

Прочитал в вашей газете от 28 ноября отрывок из будущей книги, посвященной моему любимому автору Борису Петровичу Чиркову, незабываемому «максиму». Поразила меня дневниковая запись о том, что он наконец-то встретил свою суженую. Кто она? О личной жизни Чиркова никогда не знал и даже слухов не слышал.

З. КРАСОВСКИЙ.
Московская область.

В той же книге, готовящейся к выпуску в издательстве «АРТ», будет и о личном. Это осмысления Людмила Юрьевна Чирковой. (Сегодня вы прочтете небольшую их часть). Ее рители знают по сцене как Людмилу Генику. Сейчас она, так и ее дочь, тоже Людмила и оже актриса, преподает во ВГИКе. Есть у нее и внук. Зовут его, конечно, Максим.

Один маленький мальчик, впервые увидев землю под снегом, замер от восхищения и прошептал потрясенный: «Какое удивительство!» Слово, созданное мальчуганом, такое детское, такое сказочное и так подходит к Борису Петровичу.

Были люди умнее его — конечно. Были и актеры талантливее его и, уж конечно, были красивее его мужчины.

И все-таки другого такого человека я не встретила больше в жизни.

В маленькой передней висят два дружеских шаржа на Бориса Петровича: он в спортивной форме восседает на голубом шаре, а за спиной бежит наш пес Антошка. А прямо против входа — чеканка. Витязь с чашей. На ней написано: «Во славу русского искусства. Борису Чиркову», и автограф автора, рабочего завода «Хромотрон». Помню, как Борис Петрович был растроган подарком. Вооружившись инструментом, стал искать место — куда бы повесить чеканку. И нашел. Выходя в тот день, 28 мая, из квартиры (он собирался в Кремль, на вручение Ленинских премий), он оглянулся в дверях на витязя и сказал: «Хорошо будет встречать». Но витязь его не встретил. Борис Петрович в дом больше никогда не вернулся...

В кабинете, где все сохраняется, как было при жизни хозяина, есть старинный шкаф красного дерева. Через стекло видны кожаные переплеты книг, редких, старинных. Был этот шкаф и гордостью, и радостью, и счастьем Бориса Петровича. Он вел толстые записные книжки — мелкие-мелкие букочки: название, год издания, издательство. Список огромный — это то, что он хотел бы иметь у себя. Про каждую книжку он заранее знал все-все! Против некоторых названий стоят галочки — значит, она уже появилась дома!

Борис Петрович был интеллигентом первого поколения. Это очень важно. В интеллигенте первого поколения есть что-то от разночинца. Не наследие и традиции торят путь человеку, а человек или интересуется сам и завоевывает знания, или не интересуется. Человек создает себя сам. И еще, Борис Петрович был бесконечно доброжелательным, ненавязчивым, тонким, очень русским, как наша русская природа — ничем не поражает, не ослепляет.

Огромное чувство юмора. Внешне непризвательный, лукавые огоньки в глазах, легкая улыбка, а внутри огромная созидательная работа.

Как-то мы познакомились с Венедиктом Петровичем Желеповым, членом-корреспондентом Академии наук, и его женой Татьяной Николаевной. И Борис Петрович и Венедикт Петрович сразу потянулись друг к другу. Однажды зимой мы были в Дубне. И Венедикт Петрович, который там жил, пригласил нас на свой ускоритель, который был выключен и можно было его посмотреть. Мы вошли в очень большой зал. Посредине (простите, но это мои личные впечатления), посередине стояла какая-то подкова, поставленная на пола. Вокруг нее во все стороны ходили, бегали, шныряли люди в белых халатах и слышалась разноязычная речь. У Бориса Петровича загорелись глаза, как у всех мальчишек в возрасте от трех лет до девяти лет при виде машин, и он начал задавать вопросы.

Венедикт Петрович отвечал, но глаза его с каждым вопросом округлялись, и, наконец, он воскликнул: «Ну, я понимаю — вы не оефит в этой области, но вы удивительно грамотно ставите вопросы — откуда это у вас?» «Я много читал об этом, к сожалению, мало понял, но мне очень-очень интересно».

И вопросы продолжали сыпаться. Борис Петрович вообще все в жизни воспринимал необычайно эмоционально и книги, конечно, тоже. И поэтому очень не любил холодных «умных» книг, вычурно написанных.

Как-то после инфаркта Бориса Петровича мы жили долго на даче. Книги я возила из Москвы, так как дачу мы снимали, а библиотеки поблизости не было. С удивлением я узнала, что Борис Петрович не читал Голсуорси, одного из моих любимых авторов. Я привезла «Сагу о Форсайтах». Борис Петрович начал чтение весьма скептически, считая, что Голсуорси сродни Драйзеру, которого он не любил. Потом он заинтересовался, потом увлекся и даже, когда мы что-то от него утаивали, чтобы не волновать его, стал цитировать любимое изречение отца Самса: «Знайте никто, да ничего не рассказывают». Я очень радовалась, как будто познакомила его со своими лучшими друзьями.

Однажды, возвращаясь с реки, я встретила Бориса Петровича, идущего от дачи. Он шел очень сосредоточенный, с поджатыми губами и каким-то жестким, больным взглядом. Рука с палкой впечатывала каждый шаг — он как будто бы что-то преодолевал. Я бросилась к нему. Он посмотрел мимо меня и сказал: «Ничего, иди, я скоро приду, я хочу побыть один». Встревожная, я бросилась на дачу — «Что случилось?» «Ничего. Сидел в шезлонге в саду, читал, потом вошел в дом, взял палку и молча ушел».

Ничего не понимая, я пошла в сад. В шезлонге — книга, закладка. Открыла страницу. «Но пушинка была неподвижна, как смерть», как лицо его старого хозяина. Жарко... жарко... знойно! Бесшумные шаги по траве!»

Смерть старого Джолиона. Первые три года мы жили на улице Чкалова, в знаменитом доме 14/16 (стоит он сейчас весь в мемориальных досках). Жили тогда там Прокофьев

Кузьмура. -1993. -16 авг. -с.5.

«Что может быть лучше хорошего человека»

и Ойстрах, Охлопков и Маршак, Кукрыниксы. Туда приходили и Кабелевский, и Алигер, и Топорков, и многие, многие другие. Не успевали собираться, как тут же возникали споры о выставках, о спектаклях, о фильмах. Объединяло и увлечение волейболом. Много зимних вечеров проводили мы под волейбольной сеткой на стадионе «Динамо», яростно сражаясь друг с другом, уже командами. Объединяли и праздники с обязательными маскарадами, шарадами и пением под гитары Василия Осиповича Топоркова и Бориса Петровича.

И я прекрасно помню, как раздавался время от времени телефонный звонок, и хрипловатый, чуть задыхающийся голос Самуила Яковлевича Маршака говорил: «Я только закончил перевод одного интересного стихотворения Бернса, приходите, если можете». Подъезд Самуила Яковлевича был как раз напротив нашего, и через несколько минут звучал удивительнейший перевод стихотворения: «Насекомому, которое поэт увидел на шляпе нарядной дамы во время церковной службы». Потом Самуил Яковлевич говорил: «А теперь я попрошу Вас, я послушаю». Опять чтение. Борис Петрович всегда очень волновался. Много раз перебежали мы двор в подъезд к Самуилу Яковлевичу.

Как-то вскоре Самуил Яковлевич и Борис Петрович были вместе на каком-то выступлении, и Маршаку очень понравилось, как легко, заинтересованно и увлеченно Борис Петрович рассказывает о своей жизни в кино и в театре и он посоветовал ему записывать свои выступления и наблюдения.

Весной 1950 года я решила подарить Борису Петровичу пишущую машинку. Было их тогда мало, продавались они только в комиссионных магазинах. Я ничего в них не понимала и попросила Михаила Юрьевича Блеймана помочь мне. Он любезно согласился, и домой тайком была принесена машинка «Mercedes-Benz». Ночью, на кухне, одним пальцем я отстукала поздравление и поставила машинку на стол, прямо перед выходом из спальни. Утром Борис Петрович вышел, увидел, издал воинственный клич, и, как был в ночном одеянии, уселся за машинку. Вечером ожидался гости, но он как ребенок был поглощен подарком. Раздвигался стол — он с машинкой пристраивался на стульях, стулья пододвигались к столу — он перешел на пол, шел в ванную. Оторвали его минут за десять до прихода гостей, еще успел побриться и одеться. Потом он говорил, что в этот день в нем родился если не писатель, то уже член Союза писателей обязательно.

Если когда-нибудь чему-нибудь завидовал Борис Петрович, то только людям, владеющим пером. После С. Я. Маршака вторым «крестным отцом» в писательстве был Борис Сергеевич Бурков — талантливый журналист, бывший зам. редактора «Огонька», редактор «Комсомольской правды» и «Труда». Он присылал сотрудников, которые записывали Бориса Петровича, а потом уговорили его самому написать книгу.

И вот в издательстве «Правда», в библиотеке журнала «Огонек», в 1953 году появилась первая книга Бориса Петровича — «За горами, за морями» — о поездке в Индию. Всего им было написано десять книг — и о поездках в разные страны, и о своей профессии, и, последняя книга, о своей жизни — «Азорские острова». А также громадное количество статей.

Писал он очень интересно, просто, ясно, очень эмоционально. Но считал себя в «под-

готовительном классе» литературы.

...Борис Петрович был намного старше меня, но никогда ни одним словом, ни взглядом не подчеркивал свой опыт и знание жизни.

Мы были вместе почти 34 года, а поссорились всего один раз и не разговаривали три дня.

А было это так.

Стало известно, что у нас будет ребенок. До этого детей у Бориса Петровича никогда не было, и это известие он воспринял с невероятным восторгом.

Я стала «табу»! Все для меня! В том числе чистый свежий воздух, и была снята дача на лето. Борис Петрович снимался на «Мосфильме», но приезжал как только мог. На даче вместе со мной жили мать моей подруги вместе с внуком и ее приятельница — Лидия Ивановна.

Лето было дождливое, неуютное. Борис Петрович очень

заботился — как я, все ли в порядке. И вот в этой атмосфере заботы и внимания, как-то, когда все уже улеглись спать, зашел у нас с ним разговор о поэзии Марины Цветаевой, а также о поэзии Анны Ахматовой и других акмеистов.

Но если для Бориса Петровича эти имена были откровением его юности и он относился к ним, как к чему-то для него безусловному, то для меня, чья юность проходила под знаком войны в Испании, полета Чкалова, папанинцев, все эти «дамские» стихи были так чужды, что разногласия наши не замедлили проявиться. И вот ночью разгорелся спор. Борис Петрович человек необычайно азартный, я тоже спорщик не из последних. Мы подняли на ноги всю дачу. Мы ругались, глаза горели, мы так ожесточенно ненавидели убеждения друг друга, что, если сначала над нами смеялись, узнав о причине спора, потом пытались образумить, то потом уже начали волноваться. Наконец что-то шепнули Борису Петровичу, и он сразу замолчал, как споткнулся. Я продолжала бесноваться, другое слово подобрать трудно. Еле-еле меня остановили, и наконец все замолкло. Но три дня мы не разговаривали. Причина — поэзия Цветаевой.

Больше мы никогда не спорили, ни разу не поссорились.

Когда родилась дочка, Борису Петровичу было 48 лет, а у него первый ребенок. Крохотные ручки, ножки, еще немысленные глазки и все это его и он дал этому жизнь. Борис Петрович испытывал чувства священного восторга и ужаса.

Было разрешено, впервые, вынести ребенка на улицу на 15 минут. Я была простужена, и к «выходу в свет» стал готовиться отец. Наше окно из кухни выходило на двор, почти первый этаж. Борис Петрович потребовал, чтобы я стояла у окна и каждые 5 минут поднимала руку. Потом он оделся, выткнул вперед руки, ему положили закутанную малышку, и он с ожесточенно напряженными глазами двинулся в путь. 15 минут он преодолевал десять ступенек вниз, вышел на улицу и на вытянутых руках стал носить свою драгоценную ношу. Он ходил медленно, почти не сводя глаз с окна. Когда он вернулся, нам «попахло», что они гуляли лишние две минуты, руки у него одеревенели, но по телефону во все концы неслась весть: «Я сегодня гулял с дочерью!»

...В 1958 году мы отдыхали в Дзубте. Днем в жару Борис Петрович не любил бывать на пляже, но к вечеру, когда зной спадал, он приходил на берег моря, и мы с ним сидели до темноты. В такие минуты обычно молчит. Я сидела справа от Бориса Петровича, слева от него стояла сумка, которая вдруг тихо упала на бок. Я сказала: «Боренька, подними — намокнет». Он спросил: «Что?» «Сумка, разве ты не видишь?» И вдруг, помолчав, он сказал: «А я этим глазом не вижу» и потом через паузу добавил — «давно».

Я как с ума сошла! Но все вокруг было так тихо, что я все слова, которые и найди-то не могла, всю боль, весь ужас — все это я шептала, быстро, бессвязно, но шептала. Борис Петрович положил мне руки на плечи и сказал: «Ну что ты, что ты? Успокойся. Ну, разве тебе было бы легче, если бы я сказал раньше? Я должен был справиться сам и пережить тоже сам. А ведь сейчас я сказал».

Я целый день потом проходила с завязанным глазом — и только тогда, чуть-чуть поняла, как это физически невозможно трудно, а психологически ужасно. Ведь Борис Петрович — актер! А он играл, снимался, мучился и все молча, чтобы только не нагрузить своей бедой близких. (Через год ему удалили глаз). Сила

духа, желание помочь, не нагружая других своими бедами — удивительное мужество и великая скромность.

Я считаю, что у Бориса Петровича не было плохих сторон, но было одно время, когда все лучшее его качества стали еще лучше и были видны всем.

Это было на съемках «Верных друзей». Сложился великолепный коллектив фильма. Михаил Константинович Калатозов, Василий Васильевич Меркурьев, Александр Федорович Борисов и Борис Петрович — очень талантливые, добрые, умные, веселые и, действительно, верные друзья.

Великолепная природа — Ока, березовые рощи — Русь! Все стало еще лучше, еще открытее, еще талантливее. И вот здесь я увидела, как относятся к Борису Петровичу окружающие. Все люди были хороши, но среди них он был лидером. Ему все верили, он всем был необходим, его все любили и уважали. Он умел, как никто, радоваться чужому счастью. Всем ласково, доброжелательно улыбались его удивительные глаза.

Меня они сразу поразили. Это было 6 января 1949 года. Праздновался день рождения хозяина дома. Застолье продолжалось уже несколько часов. Шум, гам, все разговаривали друг с другом.

Звонок возвестил о приходе нового гостя. Он вошел, но никто не обратил на него внимания. Хозяйка дома, моя подруга, усадила его за стол прямо против меня и умчалась по своим «хозяйским» делам. Он наполнил бокал, приподнял его, вероятно, хотел сказать какие-то поздравительные слова, но все кругом шумело, веселилось. Он улыбнулся, посмотрелся по сторонам, наткнулся на мой заинтересованный взгляд и, лукаво улыбнувшись, он сказал: «Ну, тогда ваше здоровье».

Так мы познакомились.

И вот тогда я сразу поразила его глазам. Внутри них зажигались лукавые огоньки, и сразу же Борис Петрович становился похожим на мальчишку, который собирается напроказить и удерживается из последних сил. Мы проговорили весь вечер. К концу вечера выяснилось, что мы живем неподалеку друг от друга, и мы поехали домой вместе, и это «малое землячество» как-то душевно сблизило нас.

13 января — наша вторая встреча.

Борис Петрович пригласил мою подругу, ее мужа и меня вместе встречать старый новый год. Накануне с большим успехом была принята картина, в которой он играл главную роль, и он хотел отметить эти два события.

Мне и хотелось пойти, и не хотелось. Я собиралась встречать старый новый год в компании, где все давно были известны друг другу, можно было явиться в любом виде, и проблема туалета для меня, молодой актрисы с окладом в 325 р. (32 р. 50 к.), не возникла.

Но тем не менее меня уговорили, правда, сделать это было не так уж трудно.

Но когда я вошла в зал Гранд-отеля, все мои женские комплексы охватили меня с невероятной силой. Большой зал залит светом, почти вся артистическая Москва здесь и такие нарядные, такие яркие туалеты. Я села за стол и решила — танцевать не буду, а уж сидючи блесну «эрудичией» (все-таки профессорская дочка) и за непринужденной светской «интеллигентной» беседой все, а главное, всех, поставлю на место.

И опять глаза!

Глаза посмотрели на меня с удивлением и с какой-то затанцованной горечью и печалью. Потом они сощурились, блеснули огоньком, и на меня посыпалась гряда цитат, сентенций, умозаключений — все это было преподнесено нарочито выпендренно, вроде бы с юмором, хотя не без сарказма.

Комплексы кончились. Мы пошли танцевать. Удивительные глаза оказались совсем рядом, и как же легко и радостно было в них смотреть.

17 января — наша третья встреча.

Каток «Динамо». Перерыв на обед. Каток пуст, на нем только три фигуры, из которых одна моя. Мои «соледники» старше меня. За мной молодость, ощущение, что я нравлюсь, уверенность, ну и самоуверенность, конечно. Начинаю «бег», стараюсь изо всех сил и поэтому спотыкаюсь, сбиваюсь с ритма, наконец, выравниваю и победоносно оглядываюсь.

Борис Петрович — посередине катка на фигурных коньках крутит пируэты, чертит вазели и на меня никто никакого внимания. Впрочем, нет. У фигуриста очень лукавый глаз, мимолетный, но такой острый, такой насмешливый, что я тут же грохочу на лед. Обидно до слез. Он тут же подлетает, поднимает меня со льда, и глаза становятся участливыми и в них раскаяние за насмешливую улыбку.

«Мороз и солнце, день чудесный!» Было решено вечером пойти куда-нибудь в театр, чтобы быть опять вместе. Почему-то, уже не помню, поход в театр не состоялся, и Борис Петрович первый раз пришел ко мне домой. Целый вечер мы проговорили, удивляясь, как много общего в наших мыслях и ощущениях. На следующее утро он очень рано позвонил мне, чтобы договориться о встрече. Мы опять встретились и больше мы уже никогда не расставались... до двадцать восьмого мая 1982 года.